

УДК 343.63

ББК 67.408.112

К вопросу о толковании понятий «оскорбление» и «клевета» в вербальных преступлениях

Р. М. Абызов¹, С. В. Землюков², Е. В. Рылова³

¹ Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

³ Алтайская академия экономики и права (Барнаул, Россия)

On the Interpretation of the Concepts of “Insult” and “Slander” in Verbal Crimes

R. M. Abyzov¹, S. V. Zemlyukov², E. V. Rylova³

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Barnaul, Russia)

² Altai State University (Barnaul, Russia)

³ Altai Academy of Economics and Law (Barnaul, Russia)

В статье исследуются понятия «оскорбление» и «клевета» с точки зрения Русской Правды, Воинских Артикулов Петра I, современного российского уголовного законодательства. Рассматриваются особенности (общее и отличительное) терминов «аффективное оскорбление», «неаффективное оскорбление», «клевета» в вербальных составах преступлений. Дается описание признаков данных понятий, проводится их разграничение. Исследуются роль и место аффекта в совершении вербальных преступлений, а также проблемы и причины их криминализации и декриминализации. Анализируется статистика вербальных преступлений ГУ МВД России по Алтайскому краю. Предлагается авторское толкование рассмотренных оценочных понятий для правильной квалификации данной категории преступлений. В ходе исследования авторы приходят к выводу, что в целях единообразия и унификации судебно-следственной практики в пленуме Верховного суда РФ необходимы детальные и конкретные разъяснения по квалификации вербальных преступлений. Предложения такого рода частично сформулированы в настоящей статье.

Ключевые слова: вербальное преступление, аффективное и неаффективное оскорбление, клевета, аффект, квалификация преступления.

DOI 10.14258/izvasu(2014)2.2-15

С точки зрения происхождения юридическое понятие «оскорбление» считается наиболее древним словом и восходит к древнерусскому пониманию преступления вообще, которое именовалось «обидой».

This paper explores the notion of “insult” and “slander” in terms of “Russkaia Pravda”, the Articles of War of Peter the Great, and the contemporary Russian criminal law. The article deals with the common and distinctive features of the terms “affective insult”, “non-affective insult”, “slander” in verbal crimes. It gives a description of the characteristics of these terms and makes a distinction between them. We investigate the role and place of the affect in verbal crimes as well as problems and reasons for their criminalization and decriminalization. We analyze the statistics on verbal offenses filed by the Altai territory Chief Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The article shows the authors’ interpretation of the above relative concepts to be used for a correct qualification of this category of crime. During the study, the authors come to the conclusion that in the interests of consistency and unification of judicial and investigative practice in the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, for detailed and specific explanations are needed to qualify verbal crimes. Such proposals are partially formulated in this article.

Key words: verbal offense, affective and non-affective insult, slander, affect, qualification of the crime.

В Русской Правде оскорбить можно было как действием, так и словом: «Княжеские уставы знают и оскорбление словом, где объектом преступления являлась преимущественно честь женщины» [1, с. 272].

Исторически принято разграничивать оскорбления, направленные в адрес государственных лиц, и оскорбления обычных граждан. Воинские Артикулы Петра I (1715 г.) предписывали за оскорбление словом монарха наказывать отсечением головы. Преступления против порядка управления и суда в России всегда наказывались строго, особенно во времена абсолютизма: срывание и истребление указов наказывалось смертной казнью — писанные нормативные тексты понимались как символ царской власти. За оскорбление простого гражданина виновный просил перед судом прощения у оскорбленного. Если оскорбление было жестоким, он дополнительно наказывался штрафом и краткосрочным тюремным заключением [2, с. 97–99].

Юридические нормы, объединенные в настоящем исследовании общей вербальной характеристикой «оскорбление» (родовое понятие), репрезентируют два его вида: *аффективное оскорбление* (ч. 1 ст. 107; ст. 113 УК РФ) и *неаффективное оскорбление* (ч. 1 ст. 297; ч. 2. ст. 297; ст. 319; ч. 1 и 2 ст. 336 УК РФ).

Выделение «аффективного» и «неаффективного» оскорбления связано с особенностью поведения субъекта преступления под воздействием вербальной агрессии потерпевшего. «Аффективным» считается оскорбление, явившееся причиной аффективного состояния субъекта преступления. Оскорбление, как способ совершения преступления, здесь является актуализатором (провокатором) причинно-следственных связей, приводящих к общественно-опасным последствиям.

Авторы учебника «Российское уголовное право» указывают на аналогичность данных составов преступлений (ст. 107 и ст. 113 УК РФ), отличающихся только общественно опасными последствиями [3, с. 72].

Под тяжким оскорблением со стороны потерпевшего понимается унижение чести и достоинства лица путем неприличного с ним обхождения, которое может выражаться в форме как физических, так и словесных действий [4, с. 265]. Тяжесть оскорбления является оценочным понятием, определяемым судом в рамках конкретного уголовного дела. Критерием определения степени тяжести оскорбления обычно признаются общепринятые нормы морали, нравственности и индивидуальные психолого-возрастные особенности оскорбленного.

С точки зрения языка термин «тяжкое оскорбление» является избыточным, так как значение слова «оскорбление» уже содержит элемент значения (сему) «тяжело».

Известно, что аффект — это состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, которому в психологии соответствует «физиологический аффект». «Аффект» в юридической литературе также относят к оценочным признакам состава преступления.

Еще в начале XVII в. Павел Заккиас в своей классификации психических расстройств выделял страсти как кратковременные душевные расстройства.

По его мнению, преступления, совершенные в этом состоянии, заслуживают более снисходительного приговора. В дальнейшем все состояния, возникающие в результате сильных «страстей», волнений, в особенности гнева, вызванного неожиданным унижением, оскорблением и т. п., объединяются в общую группу — так называемого скоропреходящего неистовства, преходящего или временного помешательства (*mania transitoria, furor transitorius*) [5, с. 431].

Типичным для аффективных состояний является то, что действия, как бы они ни были сильны и разрушительны, почти всегда имеют свою направленность в адрес определенного круга лиц, с которыми связаны аффективные представления, — оскорбителя, соперника и т. п. Обычно физиологический аффект является ответной реакцией на сильный эмоциональный раздражитель. Психологи указывают, что физиологический аффект — это состояние, не исключающее вменяемости [5, с. 437–440].

Итак, аффективное оскорбление — оценочное понятие, связанное с нравственными и социально-культурными ценностями, что предопределяет его вариативность. Оценочные признаки обобщают характеристики элементов состава преступления и конкретизируются официально правоприменительным либо неофициально доктринальным толкованием [6, с. 139]. Следовательно, подобного рода преступления представляют значительную сложность при определении законной квалификации и требуют от правоприменителей особого внимания.

Родовым объектом преступлений, объединенных понятием «неаффективные оскорбления», являются общественные отношения в сфере осуществления государственной власти, а *видовым* — правосудие, порядок управления, военная служба (соответственно диспозициям статей УК РФ). Непосредственным объектом являются отношения, обеспечивающие нормальную деятельность правосудия, управления, прохождения воинской службы.

Вербальные действия в данном виде преступлений проявляются в неуважении к суду, выразившемся в оскорблении участников судебного разбирательства либо судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия; а также в оскорблении одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы.

Оскорбление может выражаться в циничной унижительной оценке моральных качеств участников процесса (например, потерпевшего) или их квалификации (например, эксперта, специалиста или переводчика); в заявлениях, сделанных в неприличной форме, о заинтересованности в ходе дела, о пристрастности (например, прокурора, секретаря судебного заседания) и т. п. Оскорбление может быть совершено в устной или письменной форме, а также путем действия [7, с. 498].

Н. Ф. Кузнецова, анализируя оценочные признаки при квалификации преступлений, противопоставляет оскорбления против личности и оскорбления против представителя власти. Автор полагает, что непосредственным объектом в ст. 319 бывшей УК РФ выступает *нормальная деятельность органов власти*, и поэтому при квалификации необходимо определять «неприличную форму» высказывания не в отношении личности, а в отношении представителя власти [6, с. 142–143] (авторский курсив).

В действующем на сегодня УК РФ нет статьи, предполагающей ответственность за оскорбление личности. Квалификация деяния по бывшей ст. 130 УК РФ «Оскорбление», утратившая силу 7 декабря 2011 г. (№ 420-ФЗ), осуществлялась достаточно спорно, как правило, с привлечением специалистов по лингвистическим экспертизам. Оскорбление в лингвистике оценивается как особый тип речевого акта и, следовательно, не могло быть последовательно прописано в статье закона. Вообще «в русском языке слово *оскорбление* и наречие *оскорбительно* используется по отношению к гораздо более широкому классу ситуаций, чем это предусматривает юридический термин „оскорбление“» [8, с. 539].

К примеру, А. Н. Баранов отмечает, что слово «оскорбление» в толковых словарях русского языка формулируется как значение, охватывающее терминологическое и нетерминологическое употребление слова (*оскорбление* — действие по глаголу *оскорбить* «крайне обидеть, унизить кого-л.; уязвить, задеть в ком-л. какие-л. чувства»). При этом автор усматривает в формулировке данной статьи терминологическую неточность и высказывается против рассмотрения моральных норм в рамках судебного разбирательства: «если оскорбление в смысле данной статьи и оскорбление в обыденном сознании столь сильно различаются, то не следует ли модифицировать — улучшить, уточнить, сделать более ясной — формулировку самой статьи?.. Значительная часть моральных установлений должна оставаться в сфере неформального общественного договора и регулироваться на уровне частной и общественной коммуникации» [8, с. 549–550].

Видимо, именно поэтому по составам преступлений, обозначенными нами как «аффективные оскорбления», в Информационном центре ГУ МВД России по Алтайскому краю за первое полугодие 2013 г. подобных деяний не зарегистрировано.

«Неаффективные оскорбления» как вид является более определенным составом преступления, чем рассмотренный ранее. По этой категории преступлений, в частности ст. 319 УК РФ, за этот же период времени было возбуждено 61 уголовное дело.

Чаще всего публичные оскорбления обращены в адрес сотрудников полиции с формулировкой: «публично оскорбил/а сотрудника полиции при исполнении им своих должностных обязанностей»

(34 преступления). Менее частотными являются деяния, зафиксированные в учетных карточках как речевые характеристики: «публично оскорбил/а нецензурной бранью либо грубой нецензурной бранью» (17 преступлений). В состоянии алкогольного опьянения подобных правонарушений зарегистрировано шесть. Публичных оскорблений в адрес инспекторов ДПС ГИБДД при исполнении должностных обязанностей зафиксировано четыре. Единичным случаем данного преступления является оскорбление главы администрации района.

По ст. 297 УК РФ было зарегистрировано пять преступлений, с формулировкой высказываний: «оскорбил/а участника судебного разбирательства» (1), «оскорбил/а нецензурной бранью» (2), «оскорбила грубой нецензурной бранью» (2). Все дела по «неаффективным оскорблениям» были переданы в суд.

Клевета определена законом как распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. «Следовательно, понятие клеветы включает в себя три признака: а) унижение (опорочение) чести и достоинства или подрыв репутации, б) умышленность этого деяния; в) ложность распространяемых сведений» [9, с. 14–15]. Авторы книги определяют клевету как «такое унижение чести и достоинства (или унижение чести и умаление достоинства), которое связано с умышленной ложью, но совершенно не обязательно предполагает неприличную форму (в отличие от оскорбления)» [9, с. 16].

Современный российский законодатель проводит некую параллель между «оскорблением» и «клеветой»: во-первых, данные деяния противопоставляются и сопоставляются в объекте состава преступления; во-вторых, представляют собственно вербальные деяния; в-третьих, в отношении этих двух статей наблюдается определенная политическая игра, приводящая то к криминализации, то к декриминализации данных юридических норм.

В Петровскую эпоху эти нормы не противопоставлялись: если оскорбление дифференцировалось относительно представителя власти и относительно простого гражданина, то клевета относилась к преступлениям против личности — против чести. «Клевета могла быть устной или письменной.

Устная клевета наказывалась заключением в тюрьму на полгода. Письменная определялась как пасквиль, т. е. анонимное обвинение. Если оно было справедливым и факты, приведенные в пасквили, подтверждались, его автор наказывался тюремным заключением и каторгой („ибо пошел неистинным путем“ в своем обвинении). Если обвинение было заведомо ложным, пасквилянт подвергался наказанию, предусмотренному за преступление, в котором он обвинял свою жертву» [2, с. 99].

Ст. 128' УК РФ содержит юридические нормы, определяющие противоправность деяний в отношении свободы, чести и достоинства личности. Это умышленные общественно опасные деяния, посягающие на свободу, честь и достоинство личности. Выражаются они в распространении ложных сведений: а) порочащих честь и достоинство другого лица или б) подрывающих его репутацию [10, с. 253].

Аналогичные действия, совершенные в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, квалифицируются по ч. 1 и 2 ст. 298.1 УК РФ.

Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, образует особо квалифицированный состав (ч. 5 ст. 128' и ч. 3 ст. 298' УК РФ).

По данным Информационного центра ГУ МВД России по Алтайскому краю за первое полугодие 2013 г. лишь по ст. 128' УК РФ было возбуждено три уголовных дела. По одному делу клеветнические действия, возводимые на гр. Н, были осуществлены в ресторане-баре. Мотив, обозначенный в карточке учета, — «иная личная заинтересованность». Другое преступление также имело достаточно расплывчатые описания и характеристики: «Неопределенное лицо в не установленный дознанием период време-

ни разместило заведомо ложные сведения, порочащие честь и достоинство гр. К.». Публичное распространение клеветнической информации репрезентировано в еще одной характеристике преступного деяния, которое также не отличается фактической информативностью: «Неопределенное лицо распространило в Интернете на сайте «Одноклассники» CD-Z в отношении Ю.». Неудивительно, что данные преступления не получили законного судебного решения.

Таким образом, при квалификации вербальных преступлений, в частности преступлений против чести и достоинства личности, при квалификации клеветы достаточно сложно отграничить не соответствующие действительности сведения от оценочных суждений, мнений, убеждений, которые являются выражением субъективного мнения и взглядов лица о потерпевшем. Это бывает просто сложно установить и проверить на предмет их соответствия действительности. Поэтому в целях единообразия и унификации судебно-следственной практики по рассмотренным вербальным преступлениям на уровне Пленума Верховного суда РФ необходимо дать детальные и конкретные разъяснения по поводу их квалификации. Предложения такого рода частично сформулированы авторами данной статьи.

Библиографический список

1. Кудинов О.А. История отечественного государства и права : курс лекций. — М., 2006.
2. Исаев И.А. История государства и права России. — М., 2004.
3. Российское уголовное право : в 2 т. — Т. 2. Особенная часть : учебник / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. — М., 2010.
4. Семернёва Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная) : науч.-практ. пособ. — М. ; Екатеринбург, 2011.
5. Калашник Я.М. Патологический аффект. Проблемы судебной психиатрии // Вилюнас В. Психология эмоций. СПб., 2004.
6. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. — М., 2007.
7. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. — М., 2010.
8. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. — М., 2007.
9. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. — М., 1997.
10. Кочои С.М. Уголовное право: Общая и особенная части : учебник. — М., 2010.